

Марина Логунова

ПЕЧАЛЬНЫЕ
РИТУАЛЫ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
РОССИИ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Марина Логунова

**Печальные ритуалы
императорской России**

«Центрполиграф»

2011

Логунова М. О.

Печальные ритуалы императорской России / М. О. Логунова —
«Центрполиграф», 2011

В государственной культуре символы и церемониалы всегда играют важную роль. За деталями этикета встают вопросы политики государства, его идеологии и престижа верховной власти... Сегодня наблюдается закономерный процесс возвращения интереса к вопросам этикета, подготовки и проведения различных церемоний в Российской империи, и связано это с необходимостью возвращения к традиционным для нашей страны ценностям, нашедшим отражение в менталитете русского народа. Только опираясь на глубокие знания, можно создавать новые традиции и ритуалы, вбирая опыт предков и привнося в них реалии своего времени, поэтому изучение отработанного строя проведения государственных мероприятий, к которым в первую очередь относятся императорские похороны, настоятельно продиктовано современностью. Траурный ритуал является отражением культурных, религиозных, политических, эстетических и этических норм, принятых конкретным обществом в определенную историческую эпоху. До настоящего времени не было предпринято комплексного анализа похорон членов императорской семьи в России в XVIII–XIX вв. Впервые подробно и на протяжении продолжительного периода истории изучены и проанализированы все элементы государственного мероприятия такой значимости, как траурный ритуал в Российской империи. Уникальная книга Марины Логуновой позволяет заполнить существующий в исторической науке пробел и способствует отработке современных государственных мероприятий высокого уровня.

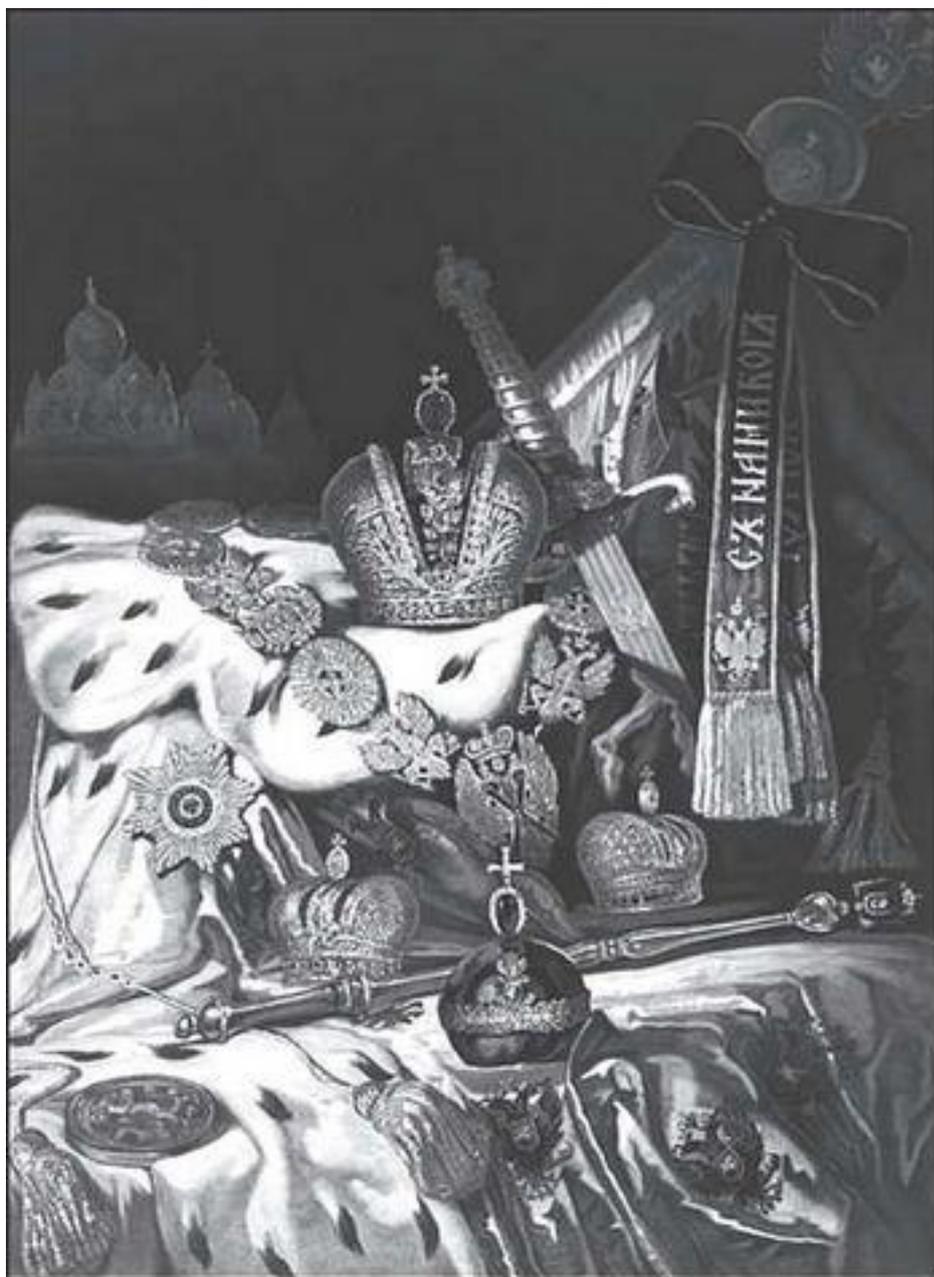
© Логунова М. О., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	7
ТРАУРНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ В РОССИИ В ДОПЕТРОВСКИЙ ПЕРИОД	15
Термины	17
Принятие монашеского пострига	19
Духовные завещания	23
Время захоронения	25
Плач и причитания	27
Помещение тела в гроб	29
Траурный ритуал XVI в.	32
Цвет траура и похоронных одежд	34
Траурный церемониал XVII в.	37
Ритуальная еда	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Марина Логунова Печальные ритуалы императорской России

ВВЕДЕНИЕ

В условиях серьезных преобразований, затрагивающих все стороны общественной жизни сегодняшней России, наблюдается вполне закономерный процесс возрастания интереса к вопросам этикета, подготовки и проведения различных церемоний в Российской империи, особенно при дворе. Сильному государству необходим достойный театр власти, имеющий в основе грамотно выстроенный церемониал. Огромный опыт Российской империи, а более всего Императорского двора, в проведении государственных действий с вовлечением большого количества участников может стать примером для современной власти при организации общественных мероприятий государственного уровня.

Знание методов организации и проведения государственных мероприятий вообще и официального похоронного ритуала в частности имеет огромное значение в общеполитическом и прагматическом смысле. Подбор участников, использование символики, построение шествия, включение звукового сопровождения, сочетание светского и духовного начал, проработанность мельчайших деталей, прозрачность материальных затрат и освещение торжества в средствах массовой информации – ни один из этих аспектов не является второстепенным и требует профессиональных знаний и навыков.

Траурный ритуал относится к числу самых консервативных традиций. Он наименее подвержен различным нововведениям, но в то же время является отражением культурных, религиозных, политических, эстетических и этических норм, принятых конкретным обществом в определенную историческую эпоху. Ритуал, сформировавшийся в XVII в., претерпел большие изменения в эпоху новаций Петра I. Реформа траурной императорской церемонии отражала главные тенденции общественно-политической жизни страны. Государственный церемониал должен был служить целям презентационным – показать всему миру и собственным подданным достижения монарха и всей страны при абсолютизме, где правитель, собственно, и представляет свою страну. Из многообразия государственных церемоний в Российской империи две претендуют на роль наиважнейших: коронационные торжества и похороны правителя. Причем вторые даже более значимы, ибо являлись окончанием определенной исторической эпохи, возможностью демонстрации завоеваний страны за прошедший период, проявлением лояльности собственных граждан, оценкой государства мировым содружеством и, наконец, заявкой на преемственность власти и декларацией намерений нового правителя.

Долгие годы после крушения Российской империи особенности идеологии не позволяли оценить традиции власти с объективной точки зрения. В переломные моменты исторического развития общества происходит уничтожение традиций, создание новых ритуалов и церемоний. Опыт исторического развития показал необходимость возвращения к традиционным для нашей страны ценностям, нашедшим свое отражение в менталитете русского народа. Только опираясь на глубокие знания, можно создавать новые традиции и ритуалы, вбирая опыт предков и привнося в них отражение реалий своего времени, поэтому изучение отработанного строя проведения государственных мероприятий, к которым в первую очередь относятся императорские похороны, настоятельно продиктовано современностью.

До настоящего времени не было предпринято комплексного анализа похорон членов императорской семьи в России в XVIII–XIX вв. Впервые подробно и на протяжении продолжительного периода истории изучены и проанализированы все элементы государственного мероприятия такой значимости, как траурный церемониал в Российской империи. Наша книга позволяет заполнить существующую в исторической науке лауну и способствует отработке современных государственных мероприятий высокого уровня.

Историография, посвященная траурному церемониалу Российской империи, крайне скудна, тема не становилась объектом специальных исследований в дореволюционной и совет-

ской науке, и только в последние два десятилетия церемониалы стали чаще выступать в качестве самостоятельного объекта изучения.

В отечественной дореволюционной историографии смерть и похороны монархов затрагивались главным образом в рамках общих исследований, посвященных их жизни и деятельности в произведениях таких известных историков, как С. М. Соловьев,¹ С. Ф. Платонов,² В. О. Ключевский,³ М. И. Семевский.⁴ Все, касающееся траурных мероприятий, рассматривалось ими в основном с точки зрения констатации факта, без исследования многозначности эстетических, этических, политических и социальных позиций, составляющих этот церемониальный феномен. Описанием траурного царского церемониала русских царей в XIX в. занимался Н. И. Костомаров,⁵ однако следует отметить, что на него произвело сильное впечатление произведение Г. К. Котошихина «О России, в царствование Алексея Михайловича»,⁶ и это послужило причиной рождения ряда легенд, перешедших впоследствии в произведения других авторов. Одной из немногих работ, посвященных изучению траурного ритуала в России в период до реформ Петра I, является книга Д. Н. Анучина «Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда».⁷ Достоинство этого труда заключается не только в сборе материала по рассматриваемой теме, но также в изучении и анализе полученных сведений, позволивших установить элементы ритуала на протяжении многих веков. Одним из первых историков, описавших новшества, введенные в траурный ритуал при Петре I, стал Н. Г. Устрялов, достаточно подробно остановившийся на обстоятельствах похорон Ф. Я. Лефорта.⁸

В связи с особенностями идеологических установок советского периода организация и символическое значение элементов, задействованных при царских и императорских похоронах, в работах советских историков не исследовались, хотя пройти мимо темы смерти, похорон, организации захоронений, говоря о жизни и деятельности правителей России, было невозможно, поэтому к этой теме в той или иной мере обращались Н. И. Павленко,⁹ Ю. М. Лотман,¹⁰ Н. Я. Эйдельман,¹¹ А. С. Мыльников¹² и другие историки.

Характерной особенностью этого времени стал тот факт, что разработкой темы царских похорон и захоронений занимались в основном научные сотрудники музеев, в состав которых входили царские усыпальницы, и искусствоведы, работавшие в сфере истории изобразительного искусства: В. И. Пилявский,¹³ Е. Н. Элькин,¹⁴ В. Б. Гендриков,¹⁵ Н. А. Нарышкина,¹⁶ чьи

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 18 кн. М., 1993.

² Платонов С. Ф. Сочинения по русской истории: в 2 т. СПб., 1993–1994.

³ Ключевский В. О. Исторические портреты: деятели исторической мысли. М., 1990.

⁴ Семевский М. И. Царица Прасковья. 1664–1723. Очерк из русской истории XVIII века. Репринт. СПб., 1991; Его же. Царица Екатерина Алексеевна, Анна и Виллем Монс. 1692–1724. Очерк из русской истории XVIII века. Репринт. Л., 1990.

⁵ Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях (издание третье) и старинные Земские соборы: ист. монография. СПб., 1887.

⁶ Котошихин Г. К. О России, в царствование Алексея Михайловича: современное сочинение Григория Котошихина. СПб.: Археогр. комис., 1859. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hist.msu.ru> (дата обращения 22.06.2009).

⁷ Анучин Д. Н. Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда: археолого-этнографический этюд. М., 1890.

⁸ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб., 1858. С. 262–270.

⁹ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990.

¹⁰ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства: XVIII – нач. XIX вв. СПб., 1994.

¹¹ Эйдельман Н. Я. Грань веков. М., 1982.

¹² Мыльников А. С. Испытание чудом: «русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991.

¹³ Пилявский В. И. Петропавловская крепость. Л., 1967.

¹⁴ Элькин Е. Н. Надгробия на царских могилах // Краеведческие записки: исследования и материалы. Вып. 2 / Гос. музей истории С.-Петербурга. СПб., 1994. С. 160–168.

¹⁵ Гендриков В. Б. Траурные церемонии в Петропавловском соборе // Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып. 2 / Гос. музей истории С.-Петербурга. СПб., 1994. С. 306–315; Гендриков В. Б., Пиратинская Д. Л. Праздники и церемонии в Петропавловской крепости // Петропавловская крепость: страницы истории. СПб., 2001. С. 389–396.

¹⁶ Нарышкина Н. А. Жизнь моя – музеи. СПб., 2005.

работы часто публиковались значительно позднее времени их написания. Изучением средневековых царских захоронений на территории Московского Кремля занимается Т. Д. Панова, защищенная ею в 1990 г. диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук посвящена теме погребального обряда средневековой Руси, так же как и книга, выпущенная по теме диссертации.¹⁷

Изучение похоронного действия с точки зрения художественного убранства траурных зал, церковных и светских помещений, написания посмертных портретов и т. п. продолжалось историками-музейщиками и в постсоветское время.¹⁸ Московский некрополь стал темой диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук С. Ю. Шокарева,¹⁹ продолжает изучение Московского Кремля Т. Д. Панова.²⁰ Вместе с тем надо заметить, что такие ученые, как С. Ю. Шокарев и Т. Д. Панова, занимаются в основном периодом Средневековья на примере захоронений, находящихся на территории города Москвы, и в силу своего научного интереса к изучению императорского некрополя Санкт-Петербурга не подступают.

Современные историки стали по-новому подходить к сценариям власти и государственным церемониалам. Это нашло отражение в работах таких исследователей, как Е. В. Анисимов,²¹ Л. В. Выскочков,²² Е. В. Пчелов,²³ Ю. А. Молин.²⁴ Сделан акцент на этой теме и в цикле книг из серии «Роковые годы России: документальная хроника»,²⁵ посвященных переломным периодам русской истории, особенно затрагивающим XVIII в. Хотя церемониал не являлся предметом специального исследования авторов, но в силу их научного интереса тема императорских похорон была раскрыта достаточно серьезно.

Положительной тенденцией исторической науки последнего времени становится все увеличивающаяся заинтересованность исследователей в познании именно церемониалов русского Императорского двора как языка символов, отражающих и определяющих социальные, культурные и политические особенности Российской империи. Среди исследователей, занимающихся разработкой темы императорского церемониала, можно назвать О. Ю. Захарову,²⁶ чья книга посвящена императорским выходам, конным каруселям, придворным балам, дипломатическим приемам, однако не касается темы траурного действия. О. Г. Агеева в своих работах обращается к изучению светских праздников и государственных церемоний, в частности траурных церемониалов петровского времени.²⁷ Американский историк Р. С. Уортман²⁸ исследует

¹⁷ Панова Т. Д. Царство смерти: погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М., 2004.

¹⁸ См., напр.: Гендриков В. Б., Сенько С. Е. Петропавловский собор – усыпальница императорского дома Романовых. СПб., 1998; Тарасова Н. И. Зимний дворец Петра I. СПб., 2006; Миролубова Г. А. Последний путь // Александр I: сфинкс, не разгаданный до гроба...: каталог выставки. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2005; Сарычева М. А. Смерть императора: образ скорби в русском медальерном искусстве: создание памятных медалей на смерть российских императоров // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой пол. XIX в.: Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй: Вт. междунар. науч. конф.: Тезисы докладов. М., 2009. С. 176–178; Коварская С. Я. Погребальные церемониал и регалии при Российском императорском дворе первой половины XIX в. // Там же. С. 79–81.

¹⁹ Шокарев С. Ю. Московский некрополь XV – начала XX вв. как социокультурное явление: источниковедческий аспект: дис... канд. ист. наук. М., 2000.

²⁰ Панова Т. Д. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII – первой трети XVI в. (опыт комплексного исследования). К проблеме формирования территории древнерусского города: дис... д-ра ист. наук. М., 2003.

²¹ Анисимов Е. В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994; Императорская Россия. СПб., 2008.

²² Выскочков Л. В. Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001.

²³ Пчелов Е. В. Романовы: история династии. М., 2002.

²⁴ Молин Ю. А. Романовы: путь на Голгофу: взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2002.

²⁵ Возгрин В. Е. Год 1725. СПб., 2007; Кургатников А. В. Год 1740. СПб., 1998; Искюль С. Н. Год 1762. СПб., 2001.

²⁶ Захарова О. Ю. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX вв. М., 2003.

²⁷ Агеева О. Г. Петербургский траурный церемониал Дома Романовых в начале XVIII в. // Феномен Петербурга: Труды Вт. междунар. конф., сост. 27–30 ноября 2000 г. во Всерос. музее А. С. Пушкина. СПб., 2001; Агеева О. Г. Императорский двор России, 1700–1796 годы. М., 2008.

²⁸ Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I / пер. с англ. С. В. Житомирской. М., 2004; Т. 2. От Александра II до отречения Николая II / пер. с англ. И. А. Пиль-

символику придворных церемониалов при дворе русских императоров от Петра I до Николая II, рассматривая сложную систему знаков, использовавшуюся для создания и сохранения мифов, определяющих образ царя/императора в ту или иную эпоху. Обращая внимание на траурную церемонию, тем не менее исследователь не придает ей того значения, которого она заслуживает. Переведены на русский язык работы ведущих зарубежных историков-русистов в серии «Йельский университет: опыт объективного исследования»,²⁹ в них была рассмотрена тема траурных мероприятий российских монархов.

В целом история формирования государственного траурного церемониала затрагивалась отечественной и мировой историографией, однако возникновение и реформирование траурного государственного церемониала как феномена исследователями не изучались. Выбор в качестве конкретного объекта исследования императорского траурного церемониала позволил по-новому подойти к анализу культурно-политической обстановки в русском обществе. Траурный церемониал, будучи одним из наиболее значимых государственных действий, сохраняя традиционные черты, вбирал в себя основные новшества в идеологической программе власти и отражал самое существенное значение изменений, происходивших в осмыслении фигуры конкретного правителя и всего государственного строя в целом. Отсутствие специального исследования, посвященного траурному церемониалу, явно оставляло в исторической науке лауну, которую должно заполнить данное издание.

При работе над темой был задействован широкий круг источников. Комплекс использованных источников может быть разделен на следующие группы: 1) нормативные и правовые акты; 2) источники личного происхождения; 3) изобразительные источники; 4) периодическая печать и книжные издания; 5) делопроизводственная документация. Отдельно следует указать, что почти во всех группах есть опубликованные и неопубликованные источники. В связи с малой изученностью темы опубликованные источники чаще всего относятся к раритетам.

Среди источников нормативного характера находятся указы царские и императорские, официальные акты и манифесты, издаваемые правящими монархами в отношении смерти членов императорской семьи и церемониалов, связанных с траурными мероприятиями, опубликованные в «Полном собрании законов Российской империи»,³⁰ являвшиеся приложениями к некоторым изданиям мемуарного характера³¹ или дипломатическим отчетам представителей различных правительств в России. Для изучения данной темы потребовалось привлечение источников нормативного характера, относящихся не только к светскому обществу, но и военной области. Так, действие «Инструкций и артикулов военных»³² распространялось на регламентацию вскрытия мертвых тел не только военных, но даже членов царской семьи. В траурной процессии были задействованы войска, все действия которых регулировались «Сводами правил войск на погребение»,³³ которые подвергались постоянному исправлению.

Особую важность приобретает пласт источников личного происхождения, представленный дневниками, письмами и воспоминаниями, отечественными и иностранными. К отече-

---

щикова. М., 2004.

²⁹ Хьюз Л. Петр Первый: у истоков великой империи / пер. с англ. М. Колесникова, М., 2008; Мадариага И. де. Екатерина Великая и ее эпоха / пер. с англ. Н. Лужецкой. М., 2006.

³⁰ ПСЗ. Первое собрание (1649–1825). СПб., 1830. Т. 2 (1676–1688); Т. 3 (1689–1699); Т. 7 (1723–1727); Т. 8 (1728–1732); Т. 11 (1740–1743); Т. 12 (1744–1748); Т. 15 (1758–26 июня 1762); Т. 16 (28 июня 1762–1764); Т. 24 (6 ноября 1796–1797); Т. 26 (1800–1801); Т. 40 (1825); ПСЗ. Второе собрание (12 декабря 1825–28 февраля 1881). СПб., 1825–1881. Т. 1 (12 декабря 1825–1826); Т. 3 (1828); Т. 30, ч. 2 (1855); Т. 35, ч. 2 (1860); Т. 55, ч. 1 (19 февраля 1880–28 февраля 1881); ПСЗ. Третье собрание (1 марта 1881–1913). Т. 1 (1 марта–31 декабря 1881). СПб., 1885; Т. 14 (1894). СПб., 1898.

³¹ Шереметев Н. П. Дежурства при императрице Екатерине II: ноябрь и декабрь 1796. СПб., 1896.

³² Инструкции и артикулы военные притом же и краткие примечания: напечатано повелением Царского Величества в Санкт-Петербурге лета Господня 1714, декабря в 22 день // Электрон. б-ка ист. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru> (дата обращения 20.07.2009).

³³ См., напр.: Свод правил для парадов, торжественных встреч и нарядов войск на погребение. Исправлен по 1 января 1887 года. СПб., 1891.

ственным источникам относятся документы и дневники членов императорской семьи, свидетельства лиц из их непосредственного окружения и людей, связанных своей деятельностью с двором, например сочинения Феофана Прокоповича,³⁴ Б. И. Куракина,³⁵ А. К. Нартова,³⁶ Н. П. Вильбуа,³⁷ заметки П. Н. Трубецкого,³⁸ воспоминания В. Н. Головиной,³⁹ А. Ф. Тютчевой⁴⁰ и др. Иностранцы, оставившие свои свидетельства в виде воспоминаний, писем-отчетов своим монархам и т. д., – это в основном дипломаты и путешественники, такие как датский посланник Ю. Юль,⁴¹ брауншвейг-люнебургский резидент Х.-Ф. Вебер,⁴² голштинский дипломат Ф.-В. Берхгольц,⁴³ граф Г.-Ф. Бассевич,⁴⁴ прусский посланник Г. Мардефельд,⁴⁵ французы Ж. де Кампредон,⁴⁶ М.-Д. де Корберон,⁴⁷ граф Л.-Ф. Сегюр,⁴⁸ М. Палеолог⁴⁹ и др. Этот вид источников требует осторожного отношения в плане понимания объективности трактовки события. Иностранцы в своих отчетах могли либо опустить важные обстоятельства, либо приукрасить детали происходившего, выдавая желаемое за действительное в угоду своему правительству или в попытке преувеличить свою собственную роль в чужой стране из карьерных или иных соображений. Достоинством и в то же время недостатком этого вида источников является их субъективность.

Особую группу составляют изобразительные источники. В связи с тем, что при подготовке и проведении государственного ритуала большое внимание уделялось аудиовизуализации действия, для работы в Печальной комиссии приглашались лучшие специалисты в соответствующих областях. На художников и архитекторов возлагалась обязанность создания декораций в помещениях в императорских дворцах, в Петропавловском соборе и других храмах (если таковые существовали), где проходило прощание с телом монарха. Особое внимание художников уделялось оформлению Печальной процессии: утверждались костюмы участников, проектировалась и делалась траурная колесница, готовились знамена, гербы и прочие

³⁴ Феофан Прокопович. Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского, сочиненная Феофаном Прокоповичем, Архиепископом Новгородским и Св. Синода Первенствовавшим Членом. С присовокуплением описания порядка, держанного при погребении. Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского и. Государыни Цесаревны Натальи Петровны. СПб., 1831.

³⁵ Куракин Б. И. Гистория о Петре I и ближних к нему людях: 1682–1695 гг. // Русская старина. 1890. Т. 68. № 10. Сайт: <http://memoirs.ru> (дата обращения – 27.01.2010).

³⁶ Нартов А. К. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891.

³⁷ Вильбуа Н. П. Рассказы о русском дворе / пер. Г. В. Зверева // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 192–206; 1992. № 1. С. 139–155; № 4–5. С. 137–148.

³⁸ Трубецкой П. Н. Заметки в календаре в 1762 году // Русская старина. 1892. Т. 73. Вып. 2. С. 443–448. Сайт: <http://miky1.narod.ru/text/Tрубецкой1892.htm> (дата обращения 21.09.2009).

³⁹ Головина В. Н. Мемуары. М., 2005.

⁴⁰ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: воспоминания: дневник. М., 2000.

⁴¹ Юль Ю. Дневник датского посланника при Петре Великом: 1709–1711. М., 1900.

⁴² Вебер Ф.-Х. Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. М., 1872. Т. 1 (вып. 1–6). С. 1057–1168; Т. 2 (вып. 7–12). М., 1872. С. 1334–1461, 1613–1704.

⁴³ Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721–1725: в 4 ч. М., 1902–1903.

⁴⁴ Бассевич Г.-Ф. Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого. М., 1866.

⁴⁵ Мардефельд Г. Донесения прусского королевского посланника при русском дворе барона Густава фон-Мардефельда и ответы ему короля Фридриха Вильгельма (годы с 1721 по 1730) (из дел Саксонского Государственного Архива в Дрездене) // Сборник РИО. Т. 15. СПб., 1875. С. 175–414.

⁴⁶ Кампредон Ж. де. Дипломатическая переписка французского полномочного министра при Русском дворе Кампредона с 1723 г. по март 1725 г. // Сб. РИО. Т. 52. СПб., 1886. С. 413–443.

⁴⁷ Корберон де М.-Д. Интимный дневник шеваляе де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II. СПб., 1907.

⁴⁸ Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II. Сайт: <http://www.vostlit.info> (дата обращения – 27.01.2010).

⁴⁹ Палеолог М. Александр Второй и Княгиня Юрьевская. М., 2007.

атрибуты, несомые в шествии. Композиторы сочиняли музыку, сопровождавшую траурный кортеж и т. д.

После окончания траурных мероприятий обычно иллюстративный материал в качестве приложения добавлялся к изданию, выпускавшемуся по данной теме. Наряду с публикацией коронационных альбомов предпринимались попытки создания погребальных церемониальных альбомов, однако издания такого рода не стали традиционными. Все церемониальные альбомы выходили малым тиражом: под малым тиражом подразумевается, что далеко не всякое событие подобного рода сопровождал выпуск специального парадного траурного издания,⁵⁰ первое из которых было составлено Я. В. Брюсом.⁵¹ Посмертные портреты,⁵² посмертные маски, графический материал, изображающий оформление Траурной залы, картины и фотографии, находящиеся в разных собраниях и архивах, являются ценнейшим источником для изучения данной темы и представлены в различных изданиях и музеях.

Такое важное событие, как смерть и похороны членов императорской семьи, находило свое отражение в газетах, журналах, бюллетенях и пр. В периодической печати появлялись официальные сообщения и документы, законодательные акты, письма, хроника, всевозможная информация (заметки – отчеты, репортажи, интервью и пр.), объявления, некрологи и т. д. Официальные сообщения о смерти и похоронах членов правящих семей появились в России в печатных изданиях уже XVIII в., например, газете «Санкт-Петербургские ведомости»,⁵³ впоследствии освещение этой темы стало обязательным.

Наряду с церемониальными погребальными альбомами в XIX в. с Высочайшего соизволения выпускались специальные брошюры, выполнявшие роль репортажа с места событий, которые послужили важной источниковой базой для исследования.⁵⁴ Брошюры, посвященные похоронам членов императорской семьи и родственников (герцогов Лейхтенбергских, Мекленбург – Шверинских, Ольденбургских) собраны в единую коллекцию в РГИА.⁵⁵

Особое значение имеет изучение неопубликованных источников, которые относятся в первую очередь к делопроизводственной документации. Это различные документы, связанные с деятельностью Придворного ведомства и Императорского двора. В контексте разработки темы в основном оказались востребованы материалы из Российского государственного истори-

---

⁵⁰ Траурный кортеж блаженной памяти его величества императора Александра I, Санкт-Петербург 13 марта 1826 / *Cortège funebre de feu S.M. (Sa Majeste) L'Empereur Alexandre I-er, de glorieuse memoire. Saint-Petersbourg, de la typographie de A. Pluchart, 13 Mars, 1826. Permis d'imprimer par Charles de Poll, Censeur. СПб.: в тип. Плюшара, 1826; Церемониал печальной процессии во время прибытия в столичный город Москву тела Государа Императора Александра I-го. М.: в тип. П. Кузнецова, Генваря 30 дня 1826; Описание погребения блаженной памяти императора Николая I с присовокуплением исторического очерка погребения царей и императоров всероссийских и некоторых европейских государей. СПб., 1856.*

⁵¹ Описание порядка, держанного при погребении блаженныя высокославныя и вечнодостоинейшея памяти Всепресветлейшаго, Державнейшаго Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского и блаженныя памяти Ея Императорского Высочества Государыни Цесаревны Натальи Петровны. СПб., 1725.

⁵² Напр.: Таннауер И.-Г. Портрет Петра I на смертном ложе. 1725. Холст, масло. Гос. Эрмитаж. СПб. Инв. № ЭРЖ-1819; Никитин И. Н. Петр I на смертном ложе. 1725. Холст, масло. Гос. Рус. музей. СПб. Инв. № Ж-4907; посмертная маска Александра I. По оригиналу 1825. Гипс. ГИМ, инв. № ИЗО-94559/ИГУ-1622; Маковский К. Е. Портрет императора Александра II на смертном одре. 1881. Холст, масло. Государственная Третьяковская галерея; ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1101. Л. 2. Император Александр II в гробу. 1881. Фотограф С. Л. Левицкий; ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 1304. Л. 1.; Император Александр III на смертном одре. Ливадия. 20 октября 1894. Фотограф Орлов.

⁵³ См., напр.: Санкт-Петербургские ведомости. 1725. № 8; 1725. № 9; 1726. № 11; 1761. № 104. 28 Декабря; 1776. № 35. 29 апреля; Северная пчела. СПб. 1825. № 143. 28 ноября; 1826. № 21. 18 февраля; № 32. 16 марта; № 54. 6 мая; № 55. 11 мая; № 66. 3 июня; № 69. 10 июня; № 71. 15 июня; № 72. 17 июня; № 74. 22 июня.

⁵⁴ О мученической кончине Царя-Освободителя и последние минуты жизни его. Перенесение тела в Бозе почившего государя императора Александра Николаевича из Зимнего дворца в Петропавловский собор и погребение его. СПб., 1881; Кончина и погребение в Бозе почившей государыни Императрицы Марии Александровны великой матери русской земли. М., 1880; Последние дни жизни и погребение в Бозе почившего государя наследника цесаревича и великого князя Николая Александровича. СПб., 1865; Праведная кончина Царя-миротворца и погребение его. СПб., 1894; Кончина и погребение в Бозе почившего наследника цесаревича и великого князя Георгия Александровича. СПб., 1899.

⁵⁵ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 828.

ческого архива, располагающего несколькими фондами, в которых представлены документы, интересные с точки зрения изучения жизни двора. Фонд 469 (Придворная контора МИДв) располагает сведениями о парадных спектаклях, концертах, маскарадах и балах; рождении, бракосочетании, смерти и других событиях в императорской семье. Фонд 816 (Придворный Петропавловский собор) содержит указы Петербургской духовной консистории; описи церковного имущества; исповедные ведомости; ноты и тексты церковного пения. В Фонде 1280, оп. 2 (Управление коменданта Петропавловской крепости Департамента государственной полиции МВД) представляют интерес журналы входящих и исходящих бумаг. Все события, происходившие при Российском императорском дворе, регистрировались в гоф-фурьерских и камер-фурьерских церемониальных журналах. Изучение документации, связанной с этой регистрацией, позволяет развенчать некоторые из мифов, связанных с определенными событиями или историческими личностями. Наиболее важными для данного исследования, являются документы, собранные в фондах 472, 473 и 516. В фонде 472 (Канцелярия Министерства императорского двора) особый интерес представляет опись 8, в которой представлены дела Печальных комиссий по погребению Александра I, Николая I и других членов императорской семьи. Создаваемая после смерти монарха Печальная комиссия, возглавляемая обычно министром Императорского двора, осуществляла подготовку и проведение всех мероприятий, связанных с государственными похоронами, составляла манифесты, обеспечивала все необходимое для царского погребения от регалий, привозимых из Москвы или создававшихся для конкретного случая, до построения траурного шествия и прокладывания маршрута следования Печального кортежа. В Фонде 473 (Церемониальная часть МИДв⁵⁶) хранятся манифесты,⁵⁷ указы, церемониалы, дела о крещении, бракосочетании и погребении членов императорской фамилии.⁵⁸ Церемониал императорских похорон утверждался следующим монархом и представлял большую ценность в качестве документа эпохи и образца для последующего мероприятия подобного рода. В этом фонде представлены «экстракты» из донесений русских дипломатов, работавших в других странах о правилах проведения различных мероприятий за границей.⁵⁹ Большой интерес представляют протоколы о смерти правителей, справки о назначении дежурств при теле усопшего монарха, правила погребения членов императорской семьи и изучение Печального российского обряда чиновниками церемониального ведомства с целью отработки теоретических знаний на практике в момент составления новых сценариев подобных мероприятий.⁶⁰ Особую ценность имеет документ, составленный при церемониальной части МИДв в 1847 г., в котором был собран фактический материал, посвященный теме императорского похоронного церемониала и принципам работы Печальной комиссии.⁶¹ В связи с установлением траура требовалось издание указов, устанавливающих время ограничения увеселительных мероприятий, деталей и цвета одежды. В особую группу дел фонда 473 можно выделить журналы трауров, наложенных при Высочайшем дворе по усопшим членам других монарших семей, правила ношения траура, объявления о снятии или смягчении траура в связи с каким-либо событием оптимистического характера.⁶² Фонд 516 (Камер-фурьерские журналы) содержит поденные записи о событиях придворной жизни, являющиеся богатым материалом, позволяющим узнать подробности не только радостных событий в диапазоне от балов, маскарадов, свадеб, спектаклей, торжеств по случаю коронавания императоров до опи-

⁵⁶ Министерство императорского двора.

⁵⁷ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 805.

⁵⁸ См.: РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 181, 182, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 200, 201, 202, 203, 205, 206, 207, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221. Оп. 3. Д. 231, 349.

⁵⁹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 20.

⁶⁰ См.: РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 31, 112, 155, 231, 277, 349, 423, 434, 819, 835, 854, 857.

⁶¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205. Записка о Печальном государственном обряде в России.

⁶² См.: РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 1, 25, 31, 41, 68, 69, 78, 86, 157, 220, 216, 245, 266, 325, 429, 670, 769.

саний обстоятельств смерти и похорон членов императорской фамилии. Утвержденные церемониалы являются основным источником информации о последовательности действий в ритуалах, носящих политический и символический характер, а также дают возможность очертить круг лиц, имевших особую близость к правящей семье в определенные временные рамки. Этот вид источников оказался почти не востребован исследователями.

Критический подход к анализу различных групп источников позволяет представить и изучить официальные траурные церемонии во всей многогранности события и сделать убедительные выводы о том, как готовилось, создавалось, отрабатывалось государственное мероприятие огромной важности.

ТРАУРНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ В РОССИИ В ДОПЕТРОВСКИЙ ПЕРИОД

С момента появления на земле человека разумного отношение к смерти и траурным мероприятиям определяло уровень его цивилизованности и являлось отражением всего окружающего его в повседневной жизни. Смерть, будучи подведением итогов жизни, с одной стороны, пугала своей неизвестностью, с другой стороны, в связи с непознанностью того, что случится после окончания бытия, создавала благодатную почву для создания различных мифов, верований и ритуалов. К сожалению, все смертно. Если бы существовало бессмертие, можно было бы не задумываться над смыслом жизни. Но мы рождаемся и входим в земную жизнь на условиях обязательного ухода из нее. И так как возврата нет, то смерть окружена ореолом тайны, которая позволяет додумывать, домысливать скрытое от нашего знания. Для одних культур и религий уход из земного существования представляется переходом в другие миры, инобытием, для других окончание земного пути – это конец всего, ничто. Как бы человек ни отталкивал от себя мысль о смерти, но об обязательности ухода из этого мира у нас есть совершенно достоверное знание. Заведомая ограниченность жизни всегда побуждала людей серьезно задумываться о ее смысле и заниматься подготовкой к уходу заранее. Это самая естественная позиция, поскольку она вытекает непосредственно из условий человеческого существования. В истории человечества нет такой цивилизации или культуры, которую не интересовал бы вопрос о том, что произойдет с умершими. Именно в сопоставлении со смертью человек осознает самого себя и смысл жизни. В зависимости от того, как он видит противостояние жизнь – смерть, развиваются мифология, религия, философия, архитектура, все области культуры, которые, на первый взгляд, никак не связаны с уходом из земного существования. Многие фундаментальные понятия, относящиеся к смерти, оказываются общими в культурах разных народов: рождение и смерть, жизнь до рождения и после смерти, за которой последует новая жизнь, словом, большинство идей о цикличности, двойственности, о конфликте, заложенном в мире, и о примирении противоположностей. Но не следует думать, что у смерти есть некий универсальный язык, отношение к смерти различно, и лучшим свидетельством этого является многообразие похоронных обрядов, в которых сконцентрированы представления разных народов.

Ни одна обрядность не знает такого разнообразия традиций, как похороны. Более того, это единственный современный обряд, до сих пор не утративший своего сакрального смысла. Формирование траурного ритуала стало квинтэссенцией культуры жизни народа. Все, связанное со смертью, манипуляциями с телом покойного, подготовкой к переходу в иную реальность, окружение покойного, собственно похороны и траурные мероприятия, отрабатывалось в традиции любого народа и цивилизации на протяжении многих лет и становилось одним из самых консервативных, не подвергающихся нововведениям обрядов. По тому, как относились к телу умершего, и тому, что сопровождало покойного в иной мир, ученые сегодня судят об уровне жизни и культурных приоритетах ушедших цивилизаций. Раскрытие могильников – один из важнейших аспектов исторического знания, не менее важным является изучение ритуалов, связанных с уходом из жизни и проводами усопших.

Естественно, что по извечно существующей иерархии смерть обычного человека и его похороны значительно отличались от смерти и похорон элиты общества, особенно если речь шла о руководителе некоего сообщества: вождя, правителя, как бы он ни назывался, и членов правящей семьи. Наряду с государственными праздниками подобные события становились едва ли не более важными, чем все победы и завоевания, сделанные при жизни. К этому торжественному действу готовились задолго до смерти, строились специальные погребальные

сооружения, отводилось место, где бы хотелось остаться навсегда. И до сего дня эта извечная тяга человечества не теряет своего актуального значения. Но в эпоху перемен, во время смены исторических формаций, изменения политических и культурных ориентиров общества реформированию подлежит и траурный ритуал. И, естественно, наиболее ярко смена культурных пристрастий находит воплощение в траурных мероприятиях представителей верхушки общества, особенно первых лиц государства.

Термины

Для того чтобы пользоваться терминологией по теме, следует определиться с понятиями. Термины «траур», «ритуал», «церемониал» в основном вошли в употребление в начале XVIII в. как заимствования из других языков.⁶³ Понятие «траур» включает в себя несколько значений: 1) скорбь, печаль, причиненная каким-либо бедствием, смертью близкого человека или общественного деятеля; 2) ограничение в проведении различных мероприятий общественной или личной жизни, в основном связанное с прекращением разного рода увеселений; 3) использование внешних знаков скорби (например, одежды, флагов и т. д.); 4) время ограничений, налагаемых на общественную или личную жизнь.

Под «ритуалом» понимают совокупность и установленный порядок обрядовых действий при совершении какого-либо акта. В применении к теме данного исследования вначале возник именно ритуал. Человечество в целом, каждый народ, группа или общность в составе какого-либо народа в отдельности вырабатывали комплекс действий, связанных с прощанием с умершими, учитывая наиболее важные и значимые характеристики жизни и ценностей данного человеческого объединения или сообщества. Необходимость что-то сделать с телом умершего – будь то каннибализм, перенос в другое место, сожжение, закапывание – определило уровень цивилизации и культурных особенностей определенного социума. Манипуляции с телом покойного постепенно выработали устойчивый набор ассоциаций, связанных с каждым действием в отдельности и совокупностью действий в целом, что способствовало постепенному переходу ритуала на более высокую ступень церемониала.

Ритуал несколько отличается от понятий «церемониал» и «церемония». Церемония – это внешние условности, принужденность в поведении. Если в ритуале находят отражение обычаи и представления народа, то церемонии – это понятие более искусственное. Отрабатываясь на протяжении определенного времени и подвергаясь оценке с точки зрения главенствующих представлений о нравственных, культурных и религиозных ценностях, ритуал обрастает условностями, зачастую надуманными, но представляющимися необходимыми для поднятия его над уровнем обыденности. Постепенно церемонии переходят к более высокой степени церемониала. Церемониал – официально принятый распорядок церемонии (торжественного приема, шествия и т. п.).

Говоря о смерти и похоронах, следует разграничивать похоронный ритуал людей обычных, т. е. церемонии, коими человек окружает проводы близких ему людей, и более высокое понятие государственного церемониала погребения представителей верхушки общества, особенно первых лиц государства, коими являются члены правящей группы.

Переходя от одной исторической формации к другой, человек не только привносил новые обрядовые элементы, но и сохранял привычные, выработанные ранее. Взаимодействие с другими народами и их культурой также не проходило бесследно. Безусловно, для нашей страны основополагающим фактором явилось крещение Руси в 988 г.⁶⁴ и введение христианского мировоззрения. Языческие обряды и русские национальные особенности слились с христианскими ритуалами, создав особый строй церемониала смерти и похорон. Смерть и похороны представителей княжеской верхушки имели особое значение в жизни русского общества Средневековья, в русских летописях им уделяется значительное место. Постепенно начали складываться погребальные центры и особые ритуалы, с большей или меньшей точностью соблюдав-

---

⁶³ См.: Словарь иностранных слов. 18-е изд., стереотип. М., 1989. С. 446; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд. М., 1987.

⁶⁴ Если не оговорено особо, все даты до 1917 г. даются по принятому в России Юлианскому календарю, после революции – по Григорианскому (современному). – М. Л.

шиеся при каждом следующих похоронах. Естественно, одни похороны не могли в точности походить на предыдущие, как жизнь одного человека непохожа на жизнь других людей, но, несмотря на различия, с течением времени выработывались определенная последовательность и набор действий, сопровождавших как уход человека в мир иной, так и его проводы. В связи с таинственностью события – неизвестностью того, что же будет после, и страхом перед неминуемостью конца – этим действиям придавалось мистико-символическое значение.

Принятие монашеского пострига

Русские правители были людьми светскими. В некоторых исследованиях указывается на традиционное принятие ими монашеского пострига или даже схимы перед смертью,⁶⁵ однако фактами это не подтверждается. Ни один царь из династии Романовых не только схиму, но и постриг монашеский не принимал. Несколько иная ситуация складывалась в средневековый период. При более подробном рассмотрении данного вопроса выясняется, что, чувствуя приближение смерти, добровольно постриглись в монашество несколько князей. Насильственный постриг в данном контексте рассматриваться не может. Б. А. Селий, составивший описание русских правителей от легендарного Рюрика до первой трети XVIII в.,⁶⁶ отделяет добровольно принявших постриг князей от насильственно постриженных. Так, насильно был пострижен в монахи и убит Игорь Ольгович Черниговский, княживший в 1146 г. По своей воле одним из первых принял постриг князь Александр Ярославич, вошедший в историю как Невский, впоследствии приобщенный к лику святых. Вероятно, факт принятия им схимы сыграл не последнюю роль в его канонизации. Кроме Александра Невского Селий упоминает его сына князя Андрея Александровича Городецкого (княжил в 1294–1304 гг.): «Постригшись в схимники, пойде в оно царство».⁶⁷

Смерть для наших предков не представлялась событием, полным глубокой печали, а воспринималась светло. Обычно о ней говорится в оптимистических, радостных тонах, подтверждающих христианскую идею о смерти как переходе из жизни земной в жизнь вечную: «Василий Иоаннович (1479–1533) напоследок радостно в горняя преходит».⁶⁸ Другой источник – «Постниковский летописец» – свидетельствует о принятии схимы Василием Иоанновичем: «Преставижеся князь великий Василей Иванович всеа Русии, в иноческом чину наречен бысть Варлам, в лета 7042-го месяца дек[абря] в 3 день, с среды на четверг, 12 час ночи противу Варварина дни».⁶⁹ В данном случае соотнесение с христианским праздником (Варвариным днем) имеет огромное значение для преобразования даты в соответствии с современным календарем.

---

⁶⁵ Так, в книге В. Б. Гендрикова и С. Е. Сенько говорится: «В допетровской Руси царь перед смертью, как правило, принимал монашеский постриг (схиму)» // Гендриков В. Б., Сенько С. Е. Петропавловский собор – усыпальница императорского дома Романовых. СПб., 1998. С. 92.

⁶⁶ Селий Б. А. Зерцало историческое Государей Российских // Древняя российская вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений, яко то: Российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многие сочинения древних Российских стихотворцев; издаваемая помесячно Николаем Новиковым. Ч. 1. СПб., 1773. С. 202–235.

⁶⁷ Древняя российская вивлиофика... Ч. 1. С. 214.

⁶⁸ Там же. С. 355.

⁶⁹ Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 23.

**Пострижение в иноки умирающего Василия II
Темного. Миниатюра из летописного свода. XVI в.**

Следует признать, что не всегда исследователи обладают полным знанием, опираясь только на свидетельства современников события, ведь зачастую они бывают неточны. Иногда археологические изыскания позволяют пролить свет на существо вопроса. Так, реконструкция остатков монашеского одеяния Ивана IV Грозного – куколи и аналава, обнаруженных при вскрытии его захоронения, проведенная Т. Н. Кошляковой,⁷⁰ показала, что царь мог быть также пострижен в чин великосхимника. Одежда монашеских погребений соответствует облачению трех монашеских чинов: новоначального инока, малосхимника и великосхимника. Другие

⁷⁰ Кошлякова Т. Н. Реконструкция схимы из погребения Ивана Грозного // Советская археология. 1976. № 2. С. 195–196.

находки монашеских облачений и атрибутов в погребениях XIV–XVII вв. немногочисленны, например кожаный пояс с тисненым изображением двенадцати праздников из погребения княгини Евдокии Дмитриевны, вдовы Дмитрия Донского.

Из представителей династии Романовых добровольно приняла схиму перед смертью дочь царя Михаила Федоровича царевна Анна Михайловна, постригшись в монахини Вознесенского монастыря с именем Анфисы 18-го, приняла схиму 24-го, скончалась 27-го октября 1671 г.⁷¹

Б. Чориков. Александр Невский принимает схиму

Во время правления Петра I положение его единокровных сестер (братьев уже не было) стало неоднозначным, некоторые из них принимали монашество, как по своей воле, так и про-

---

⁷¹ Даты смерти и захоронения см.: Романовы, царствующий дом Российской империи / сост. Г. И. Студенкин // Русская старина. 1878. Т. 21. № 1–4. Приложение. С. 1–32.

тив нее. Такова судьба царевны Марфы Алексеевны, обвиненной во время стрельцкого бунта 1698 г. в том, что она получает от стрельцов челобитные и является связующим звеном между ними и опальной сестрой царевной Софьей. После подавления бунта Марфу Алексеевну отправили в Успенский монастырь Александровской слободы и вынудили постричься в монахини с именем Маргарита 29 мая 1699 г.

Соправительница братьев Иоанна и Петра царевна София Алексеевна была пострижена в монахини с именем Сусанны 21 октября 1698 г. в московском Новодевичьем монастыре, где находилась в заключении. Перед смертью она стала схимонахиней и вернула себе свое первоначальное имя София, скончавшись в том же монастыре 3 июля 1704 г., где и была похоронена.⁷²

Похоронная процессия великого князя Василия Ивановича. Копия с миниатюры из Царственной книги. (Анучин Д. Сани, ладыя и кони как принадлежности похоронного обряда. М., 1890. С. 22)

⁷² Студенкин Г. И. Романовы. С. 9–10.

Духовные завещания

Начиная с глубокой древности, наши правители оставляли завещания – духовные грамоты, которые составляли при жизни, определяя, кто из наследников сможет претендовать на большие права, кто на меньшие. Эти духовные грамоты сохранялись как документ государственной важности и впоследствии были опубликованы исследователями. Н. И. Новиков собрал в своей «Древней российской вивлиофике» многие завещания известных русских князей, в их числе «Список с духовной грамоты великого князя Василия Васильевича»,⁷³ который преставился в 1462 г.: «Во имя святой Троицы и по благословению митрополита всея Руси Феодосия, завещал детям жить как один и почитать мать, которая им вместо отца. Старшему сыну Ивану Васильевичу завещал Великое княжение», ему же завещал и главную святыню – крест Петра чудотворца, всем выделил уделы, распределил богатства. Подпись на подлиннике «Смиренный Феодосий, Архиепископ всей Русии» говорит о том, что церковные иерархи скрепляли завещания, подтверждая их подлинность своей подписью и печатью: к грамоте привешены две печати: одна – великого князя, другая – митрополичья.

Подписи и печати свидетельствовали об особенностях конкретной исторической эпохи. Так, к духовной грамоте великого князя Ивана Даниловича Калиты, содержание которой соответствует ее назначению – разделить по своей воле все движимое и недвижимое имущество между родственниками, помимо его личной печати «привешена» еще одна свинцовая, вероятно, татарская печать, что говорит о политическом положении страны.⁷⁴

В «Древней вивлиофике» Н. И. Новикова представлены духовные грамоты великого князя Семена Ивановича, в иночества Созонта,⁷⁵ великого князя Дмитрия Ивановича Донского – первая, которую он впоследствии изменил, и его вторая духовная грамота.⁷⁶ Традиция духовных завещаний была продолжена и в последующие времена.

---

⁷³ Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. СПб., 1774. С. 1–16.

⁷⁴ Древняя российская вивлиофика. Ч. 8. СПб., 1775. С. 214–220.

⁷⁵ Там же. С. 226–249.

⁷⁶ Там же. С. 259–277.

Б. Чориков. Завещание Владимира Мономаха

Время захоронения

Особенностью траурного ритуала допетровского времени является быстрое захоронение тел, на что указывают многие источники. В XIV–XVII вв. сохранялось правило погребения на следующий день после смерти. Умершие ночью погребались на следующий день. Исключения незначительны и обусловлены конкретными причинами, когда скорое погребение было невозможно. Так, например, в связи с тем, что на похороны князя Юрия Васильевича Дмитровского, умершего в 1472 г., дожидались приезда Ивана III из Ростова, в нарушение традиции тело было на следующий после смерти день до погребения поставлено в церкви.⁷⁷

На скорое захоронение указывает историк Н. И. Костомаров: «Летом русские хоронили очень скоро – обыкновенно в течение 24 часов. Если ждали родных, то тело вносили в ледник, во избежание зловония. Зимой не спешили с похоронами. Тело богатого человека ставили в холодную церковь, иногда дней на восемь».⁷⁸ В данном случае Н. И. Костомаров, говоря о восьми днях, очевидно, опирался на свидетельство Петра Петрея: «Если покойник был человек знатный, гроб его сторожат днем и ночью, зажигают свечи, священники и монахи поют, окуривают гроб ладаном и миррой и окропляют раз в день святою водою, пока не исполнится восемь дней».⁷⁹ Вряд ли это замечание правдиво, иностранцы часто ошибались, не вполне понимая суть происходящего. Скорее всего, сообщение П. Петрея вызвано бытованием традиции «дневания и ночевания» при могиле.

На обычай устраивать дежурства у захоронения обращали внимание многие иностранцы, путая их с дежурством у тела, вошедшим в обиход правящей элиты только с начала XVIII в. Так, Д. Горсей писал, что Иван Грозный «был пышно захоронен в церкви архангела Михаила; охраняемый там днем и ночью».⁸⁰ Действительно, обряд «дневания и ночевания» у царского гроба существовал уже при погребении Ивана Грозного, впоследствии в императорской России традиция дневания была распространена и на дежурство у тела еще не погребенных представителей правящего дома.

С. Ю. Шокарев приводит в своей работе канонические ответы новгородского епископа Нифонта (XII в.) на «Вопрошания» Кирика, которые предписывали погребать мертвых до захода солнца: «Тако погresti, яко еще высоко (солнце), то бо последнее видит солнце до общего воскресения». Пересказ этой статьи С. Герберштейном показывает, что правило скорого захоронения соблюдалось и в XIV–XVII вв.⁸¹ В петровское время эта традиция претерпела существенные изменения.

Теме ухода из жизни как совокупности ритуальных действий историки всегда уделяли внимание. Н. И. Костомаров в «Очерке домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях»⁸² говорит, что смерть сопровождалась заветными событиями. По понятию русских, умирать среди семейства в полной памяти считалось благодатью небесною для человека. Чувствуя приближение смерти, русский составляет завещание, распределив свое состояние, и назначает меры для успокоения своей души, ими считались милостыня, наделение монастырей, освобождение рабов. Богоугодным делом считалось платить и прощать долги. Около умирающего собиралась семья, слуги и знакомые, ему подносили образа, и он благослов-

⁷⁷ Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV–XVII вв.) // Россия в красках. Сайт: <http://ricolor.org> (дата обращения 27.06.2009).

⁷⁸ Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа. С. 253–261.

⁷⁹ Петрей П. История о великом княжестве Московском. С. 455. // Восточная литература. Средневековые исторические источники востока и запада. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения 16.08.2009).

⁸⁰ Горсей Д. Записки о России. XVI – нач. XVII вв. / пер. и сост. А. А. Севастьяновой. М., 1990. С. 94.

⁸¹ Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь.

⁸² Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа. С. 253–261.

лял каждого. Рядом находился и его духовный отец, читавший на момент отхода души «Отходную». «Многие для большей верности спасения души облакались перед смертью в монашескую одежду, а иные принимали и схиму, как это делали цари».⁸³ Из этого заявления можно сделать вывод, что монашеская одежда не всегда соответствовала реальному принятию пострига.

---

⁸³ Там же. С. 254.

Плач и причитания

Особым ритуалом считались плач и причитания, начинавшиеся женой усопшего, которая должна была «вопить» до конца траурных мероприятий. Во время похорон нанимались профессиональные плакальщицы, кривлявшиеся и вопившие «точно какие волки или собаки». ⁸⁴ Обычай чрезмерной демонстрации горя, скорее всего, пришел на Русь вместе с христианством, на что указывали иностранцы: «...всему этому они (русские) научились у греков, которые исполняли такой же обряд над покойниками, именно: на другой день по смерти кого-нибудь собирались на самом рассвете к умершему женщины, начинали плакать и вопить, бить себя в грудь, царапать себе лицо, рвать у себя волосы, так что жалко было смотреть. Исполнив это как следует, добросовестным образом, те, у кого здоровое горло и грубый голос, первые начинали вопить, стонать, плакать, рыдать: то заведут на самый высокий лад, то что-то залепечут ртом, то остановятся и замолкнут, а потом начнут пересказывать добрые дела покойника от самого его рождения до смерти». ⁸⁵

---

⁸⁴ Петрей П. История о великом княжестве Московском. С. 455.

⁸⁵ Там же.

**У постели умирающего Василия IV. Миниатюра
из лицевого летописного свода XVI в.**

Смерть представителей правящей семьи также сопровождалась плачем и воплями. В свидетельстве о смерти Василия III летописец указывает, что из-за крика и плача не было слышно речи митрополита Даниила и бояр, успокаивавших рыдавших: «И бысть плачь и рыдание во всех людех велий».⁸⁶

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 23–24.

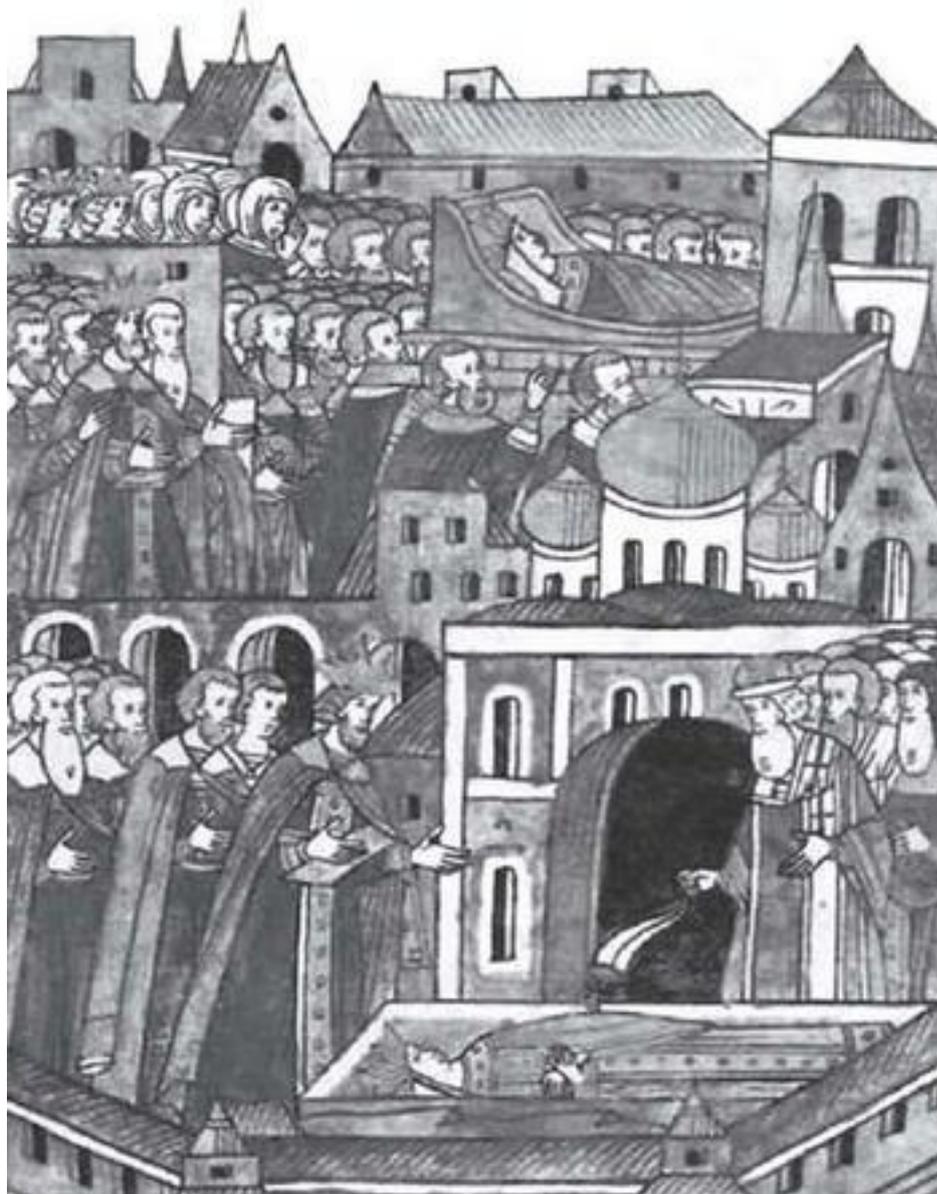
Помещение тела в гроб

К глубокой древности восходит и традиция помещения тела в гроб перед похоронами. Пока делали деревянный гроб, тело лежало на столе. У богатых людей гроб был обит разной материей: например, внутри – червчатым, снаружи – вишневым бархатом.

Мертвеца из дома выносили в закрытом гробу, укрывали покровом или шубой. Гроб несли на руках обычно шесть человек. Если покойник принимал монашество, то несли монахи или монахини и хоронили в монастырях. Перед опусканием тела в могилу крышку гроба поднимали и все целовали покойного или гроб. Священник давал в руки мертвецу отпустительную грамоту, которую иностранцы считали рекомендательным письмом Св. Петру или Св. Николаю.

После опускания гроба в могилу все целовали образа, ели кутью три раза. После похорон собирались на поминки с ритуальной едой по особым дням, обычай поминальных обедов восходит к временам язычества, и связано это было с изменением тела усопшего. На протяжении многих веков существования человека было замечено, что образ человека после смерти менялся. Это нашло отражение в появлении традиции трех поминовений, в христианской мифологии она трансформировалась в верование о путешествии души и наполнилась идейным и ритуальным смыслом. По христианским понятиям, в третий день ангел приводит душу на поклонение Богу. Отсюда следует необходимость поминовения в церкви в этот день, так как душа получает утешение от расставания с плотью. С этого времени начинается путешествие души с ангелом, он показывает ей блаженство рая и муки ада, а девятый день – отдых. Так как душа слетает то к дому, то ко гробу, ей нужна для поддержки молитва, отсюда возникла традиция поминовения на девятый день. Следующий сокровенный день – сороковой, когда ангел приводит душу к Богу и тот назначает ей место по заслугам, считается, что это расставание с душой усопшего, отсюда сороковины – традиция последнего прощания, которое обставлялось особо: поминальный стол, дежурства у гроба (потом – у тела покойного правителя), строгий траур в одежде и мероприятиях.

Особого почитания заслуживали места захоронения родственников. Могилы родителей почитались святыней – русские князья на них произносили договоры.

Похороны первой жены Ивана IV (Грозного) – царицы Анастасии Романовны. Миниатюра из Лицевого летописного свода

Преставление великого князя Дмитрия Иоанновича (Донского). Миниатюра из Лицевого летописного свода. 70-е гг. XVI в. (БАН. 31.7.30–2. Л. 335 об.)

Траурный ритуал XVI в.

Безусловно, смерть и похороны правителей были более торжественны, чем у их подданных. О том, какой траурный ритуал сформировался к XVI в., можно судить по описанию погребения великого князя Василия Иоанновича III.⁸⁷ Первым делом решили вопрос о преемнике, им стал его сын Иоанн. По малолетству Иоанна Васильевича была проведена присяга окружения в виде крестного целования на верность ему и его матери великой княгине Елене. После обретения государственной властью нового главы приступили к похоронам. Игумен Иасаф Троицкий и старец Мисайло Сукин омыли тело, расчесали бороду, одели царя в монашеское одеяние и положили его на одр, укрытый черной тафтой, после чего для прощания с телом был допущен народ: «... боярские дети, и княжата, и гости, и вси людие, которые не быша у него». Князь скончался после полуночи, в час пополудни наступившего дня 4 декабря 1533 г. митрополит Даниил повелел звонить в большой колокол. Бояре после совещания с митрополитом определили место захоронения и приказали рыть могилу в Архангельском соборе подле отца усопшего, великого князя Ивана Васильевича, и, поговорив с митрополитом, послали «шатернечего Русина Иванова сына Семенова, снем с него меру, и повеле ему гроб привести камен». Очевидно, у каменотесов имелся определенный запас готовых «каменных гробов» на случай Высочайших похорон (указание на привезенный каменный гроб и приобретенную на торгах дубовую колоду для несения тела к месту захоронения есть и в «Повести о житии и преставлении князя М. В. Скопина-Шуйского»⁸⁸). К телу усопшего правителя собралось духовенство, бывшее в Москве: митрополиты Даниил, Васьян Коломенский, Дософей Крутицкий и другие, родственники: князья Юрий и Андрей Ивановичи, а также бояре и «весь народ», плачущие и рыдающие. Под пение «Святой Боже» монахи понесли на головах тело великого князя инока Варлама в переднюю избу, потом – на крыльцо, а далее – на площадь. Стенания присутствующих заглушали колокольный звон, сопровождавший шествие. Великую княгиню Елену бояре несли на саях, вдову сопровождали родственники и особо приближенные бояре, среди них были князья Василий и Иван Васильевичи Шуйские, Михайло Семенович Воронцов, князь Михайло Львович Глинский. Ассистенткой великой княгини Елены была жена князя Федора Мстиславского боярыня Настасья. Одновременно шли приготовления к похоронам, в Архангельском соборе готовилась могильная яма.

---

⁸⁷ Там же. С. 22–24.

⁸⁸ Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 65.

**Вынос тела великого князя Василия III.
Миниатюра из летописного свода. XVI в.**

Цвет траура и похоронных одежд

В связи с уже упоминавшимся христианским представлением о смерти как переходе в жизнь вечную складывалась и определенная гамма цветов, используемых в траурных мероприятиях. Сам покойник рассматривался как главный герой своеобразного спектакля, которым являются похороны, и всегда был одет в праздничное платье. Традиционные цвета одежды усопшего в России, как и любой праздничной, – белый, красный, зеленый. Отличием похоронной одежды членов правящей семьи являлось использование более дорогих материалов и определенных «торжественных» цветов; кроме традиционных белого и красного активно применялись цвета власти – пурпур, золото и серебро.

Если на покойника надевали специальную похоронную одежду – саван, то для савана использовался белый цвет. По поводу использования термина «саван» у специалистов нет полного взаимопонимания, и разные словари дают разные толкования.⁸⁹ Иногда под саваном понимается само одеяние, т. е. платье (как, например, у В. И. Даля), либо подобие мантии или покрывала, надеваемого сверху. Саван и сегодня воспринимается как длинная, закрывающая ноги рубашка из белой ткани, собранная под шею, с длинными рукавами, оставляющими только кисти рук открытыми. Судя по находкам специалистов, проводивших исследования в захоронениях Вознесенского монастыря, под саваном в данном случае следует понимать не платье покойника, а подобие мантии, надеваемой на платье. Впоследствии от подобного одеяния при похоронах членов правящего дома отказались. Единственное, что соединяет различную интерпретацию понятия «саван», это белый цвет.

Сходное похоронное одеяние описано иностранцами в XVII в.: на тело надевают «чистую сорочку, полотняные штаны, новые красные сапоги и обвивают в белое полотно, покрывающее все тело и сделанное вроде рубашки с рукавами, складывают ему крестообразно руки на груди, сшивают полотно у изголовья, также на руках и ногах, и кладут в гроб».⁹⁰

Когда хоронили представителей правящей семьи, то обычно под саваном подразумевалось подобие накидки, а не само траурное одеяние. Тела усопших лиц из верхушки общества клали в могилу в дорогих парадных платьях. Так, при вскрытии могилы матери Петра I царицы Натальи Кирилловны оказалось, что она похоронена в платье зеленого цвета. Также в зеленом платье похоронили сестру царя Алексея Михайловича царевну Татьяну Михайловну, скончавшуюся 24 августа 1706 г.

В царских похоронах для большей торжественности использовались дорогие ткани – серебряные и золотые. При похоронах царевича Алексея Алексеевича 18 января 1670 г. гроб и тело покрыли «объярью серебряною», «сани обиты бархатом червчатым», покров серебряный, «сверх того прежнего покрывала, тело и гроб и сани покрыты оксамитом золотым».⁹¹ Червчатые сани упомянуты и при похоронах четырехлетнего царевича Симеона Алексеевича, умершего в 1669 г.⁹² При похоронах царя Алексея Михайловича 30 января 1676 г.⁹³ также использовались дорогие ткани: бархат, шелк, оксамит; цвета – золотой, зеленый, червчатый, алый, серебро. Эти же цвета ткани указаны при похоронах практически всех членов царской семьи.

⁸⁹ См., напр.: «Современный толковый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой; «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля // Сборник электронных словарей. Сайт: <http://slovo.ru/> (дата обращения – 20.05.2009).

⁹⁰ Петрей П. История о великом княжестве Московском. С. 454–455.

⁹¹ Анучин Д. Н. Сани, лады и кони. С. 23–24.

⁹² Труворов А. Н. О кончине царевича Симеона Алексеевича и о саях, употреблявшихся при погребении царствовавших на Руси особ // Русская старина. 1889. Вып. 5. С. 454–455.

⁹³ Анучин Д. Н. Указ. соч. С. 24–25.

Обувь для покойника также была особой. Свидетельства указывают на красные, черные, белые погребальные башмаки. О красных погребальных башмаках пишут К. Буссов⁹⁴ и П. Петрей,⁹⁵ о черных – С. Коллинс.⁹⁶ В настоящее время тема погребальной обуви служит предметом исследования археолога Д. О. Осипова.⁹⁷

Скорбь по ушедшему человеку выражалась в использовании черного цвета траура, принятого в христианстве, в одежде окружения, иногда в обивке гроба. В выписке из расходных дворцовых книг под 18 августа 1644 г. говорится о присылке камки белой на саван усопшей царице Евдокии Лукьянишне и черного бархата на «выносные сани, на покрывку».⁹⁸ Для провожающих всегда использовался черный цвет одежды, так как, в отличие от главного героя своеобразного праздника, которым являлись похороны, окружение демонстрировало горе по покойному через ритуальные действия, такие, как плач и стенания, и ритуальные цвета одежды, такие, как «смирное» темное одеяние. В указанном сочинении Н. И. Костомарова говорится о том, что бояре думные и ближние люди, узнав о смерти правителя, являлись во дворец в черных платьях.⁹⁹ Семейные люди носили скорбное платье черного или синего цветов, «худое и изодранное». Опрятность воспринималась как неуважение к покойному, человек, оплакивавший близкого, не должен был показывать заботу о собственной одежде. При похоронах царевича Алексея Алексеевича его отец царь Алексей Михайлович шел в «печальном, смирном платье», остальные участники процессии – в черном.¹⁰⁰

Иногда умершего одевали в черные одежды, но черная одежда для покойника всегда говорила о его собственном особом состоянии траура. Так, в черное платье были облачены при похоронах усопшие монахи и монахини, но это означало, что они уже носили символический траур по своей земной жизни. В описании похорон великого князя Василия III, принявшего перед смертью схиму, указан черный цвет одеяния и покрыва на одр, на котором лежало тело.¹⁰¹ При вскрытии гроба его сына Ивана Грозного оказалось, что он также одет в черное одеяние схимника.¹⁰² Черные одежды для покойников, бывших при жизни вдовами и вдовцами, символизировали их собственную скорбь по ушедшему прежде их самих супругу или супруге, т. е. сами покойные были в трауре на момент погребения. Например, при похоронах царицы Натальи Кирилловны, вдовы царя Алексея Михайловича, использовались черное сукно и черный бархат для обивки гроба, выносных саней, покрывов и пр.¹⁰³

Тема траурного одеяния не вполне разработана до настоящего времени. Некоторые исследователи и сегодня пишут о том, что черное платье впервые было введено в обиход во времена Петра I. В брошюре, посвященной Петропавловскому собору – усыпальнице российских императоров, сказано о похоронах самого Петра I: «...черный цвет как знак траура был употреблен в России впервые».¹⁰⁴ Данное утверждение не соответствует истине. Еще со времени крещения Руси в X в. сложилась традиция использования цвета в различных ритуалах в соответствии с христианской символикой, согласно которой черный цвет ассоциировался со

⁹⁴ Буссов К. Московская хроника: 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 35.

⁹⁵ Петрей П. История о великом княжестве Московском. С. 454.

⁹⁶ Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу в Лондоне // Электронная библиотека. Сайт: <http://www.gumer.info> (дата обращения – 13.08.2009).

⁹⁷ Осипов Д. О. Кожаная обувь XII–XVIII вв. из раскопок в Москве: дис... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 2003.

⁹⁸ Анучин Д. Н. Указ. соч. С. 23

⁹⁹ Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа. С. 253–261.

¹⁰⁰ Анучин Д. Н. Сани, лады и кони. С. 23–24.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 22–24.

¹⁰² Кошлякова Т. Н. Реконструкция схимы из погребения Ивана Грозного. С. 195–196.

¹⁰³ Анучин Д. Н. Указ. соч. С. 27–28.

¹⁰⁴ Берташ А. Е. Петропавловский собор и Великокняжеская усыпальница: некрополь Российского Императорского Дома. СПб., 2008. С. 8.

скорбью и активно применялся во внешних признаках траура задолго до XVIII в. На похоронах, особенно людей из высшего эшелона власти, ничто не было случайным. Каждый элемент действия был знаковым. Цвета, используемые при этом мероприятии, входили в состав языка символов.

Траурный церемониал XVII в.

Для того чтобы определить, как реформировался траурный церемониал, нужно проанализировать его особенности в XVII в., когда на престол взошла новая династия – династия Романовых. Это поможет определить, какие элементы траурного действия были преобразованы позже, какие были сохранены впоследствии. Рассмотрим, как хоронили московских царей из Дома Романовых и членов их семей.

Уже говорилось о том, как скоро хоронили представителей правящего дома – в день смерти или на следующий день, не позже. Традиция очень скорого захоронения, возникшая в древности, сохранялась и у представителей новой династии Романовых на протяжении всего XVII в. Между смертью и похоронами временной промежуток практически отсутствовал. Так, вторая супруга царя Михаила Федоровича Евдокия Лукьяновна Стрешнева, умершая 18 августа 1645 г., была похоронена 19 августа того же года в Вознесенском монастыре. Царь Алексей Михайлович, скончавшийся в ночь с 29 на 30 января 1676 г., погребен 30 января. Его первая жена Мария Ильинична Милославская скончалась 3 марта 1669 г., погребена 4 марта. Вторая супруга Алексея Михайловича царица Наталья Кирилловна Нарышкина скончалась 25 января 1694 г., погребена 26 января. Сестра Алексея Михайловича царевна Анна Михайловна скончалась 27-го, похоронена 28 октября 1692 г. Первый наследник царя Алексея Михайловича царевич Алексей Алексеевич скончался 17-го, погребен 18 января 1670 г. Правительница София Алексеевна умерла 3-го, похоронена 4 июля 1704 г. Царь Федор Алексеевич скончался 27-го, погребен 28 февраля 1682 г. Царевна Мария Иоанновна (дочь царя Иоанна Алексеевича и Прасковьи Федоровны Салтыковой) умерла 13-го, похоронена 14 февраля 1692 г. Одним из последних представителей династии, похороненным так скоро после смерти, стал соправитель и старший брат Петра I царь Иоанн Алексеевич, скончавшийся 29 января и погребенный на следующий день, 30 января 1696 г.¹⁰⁵

Если смерть наступала до восхода солнца, захоронение могло производиться в тот же день: 8 февраля 1679 г. скончалась и в тот же день была похоронена в Новоспасском монастыре крестная мать Петра I, его тетка царевна Ирина Михайловна. Также была похоронена и ее сестра царевна Евдокия Михайловна, родившаяся, скончавшаяся и погребенная в один день, 10 февраля 1637 г.¹⁰⁶

Однако в трудах историков часто возникают разночтения, вызванные тем обстоятельством, что разные источники дают противоречивые данные по каждому вопросу. Наиболее распространенная легенда, бытующая до сегодняшнего дня, связана со свидетельством Н. И. Костомарова: «Царское погребение совершалось через шесть недель после смерти. Тело государя шесть недель стояло в домовый церкви в гробу: крестовые дьяки денно и ночью читали над ним псалтырь, и попеременно дневали бояре, окольничие и стольники над усопшими. Между тем по всему государству посылались гонцы, которые во все монастыри и церкви возили деньги для служения панихид; в праздники при служении панихиды ставили кутью; эти панихиды по всем церквям и монастырям царства русского служились в течение 6 недель каждый день, исключая воскресенья. В сороковой день после кончины совершалось погребение царственной особы. Отовсюду стекались в Москву духовные власти, архимандриты и игумены. В погребальной процессии впереди шло духовенство; наблюдалось, чтобы важнейшие особы, архиереи и патриарх шли сзади прочего духовенства, а за духовными следовали светские сановники, бояре и окольничие, за ними – царское семейство, а за ним – боярыни. Множество народа толпилось за гробом, без чинов и различия достоинства. Прощание с царствен-

¹⁰⁵ Студенкин Г. И. Романовы. С. 7–8.

¹⁰⁶ Там же. С. 8–9.

ными особами не происходило при опущении гроба; с ними прощались ближние прежде, при вносе в домашнюю церковь после кончины. Опустив тело в могилу, не засыпали его землею, а закрывали каменной доскою».¹⁰⁷ Очевидно, ученый использовал в качестве источника произведение дьяка Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», где описывается легендарная, хотя и небезынтересная версия похорон русских царей XVII в.¹⁰⁸ В параграфе 31-й главы «О преставлении царей и цариц и царевичей и царевен, и о погребении их» даются интересные подробности, касающиеся темы царских похорон.

Безусловно, невозможно воспринимать этот памятник как достоверный исторический документ, определенным источником информации он может служить только с оговорками. В произведении говорится о том, что после смерти царя первым делом посылали к патриарху и боярам. Патриарх приказывал звонить в один колокол, чтобы сообщить печальную весть горожанам. После этого он отправлялся в церковь для чтения Великого Канона. Окружение царя в это время, переодевшись в черное платье, отправлялось на царский двор для прощания с телом. Тело государя омывали теплой водой, надевали на него нижнее белье и царское одеяние и клали в деревянный гроб, в обивке которого как внутри, так и снаружи преобладал темно-малиновый цвет. До этого момента свидетельство дьяка не вызывает сомнения. Далее Котошихин указывает на странное, если сравнить с документами, долгое прощание с телом, выставленным в «царской» церкви, устроенной перед царскими покоем: «... и стоит его царское тело в его царской церкви, которая устроена пред покоем его, до тех мест как будет погребение; и до 6 недель у гроба его говорят церковные дьяки денно и ночью псалтырь с молитвами».

По сохранившимся документам можно судить о том, что временной промежуток между смертью и похоронами бывал ничтожно мал – до одного дня. Правда, караул у захоронения длился до шести недель, вероятно, требовалось некоторое время для приготовления склепа и собственно могилы. Но вероятность шестинедельного прощания с неподготовленным телом (данных о бальзамировании в допетровское время не имеется) представляется маловероятной. По утверждению Котошихина, в это время шла подготовка похорон, по всей стране рассылались гонцы с сообщением о печальном происшествии и с приглашением митрополитам, архиепископам, епископам и игуменам прибыть для участия в печальных торжествах, во всех церквях и монастырях шло поминовение усопшего. В данном случае свидетельство того, что похороны совершались на таком отдаленном временном промежутке от смерти правителя, не находит отражения в документах.

Полученное из неточного источника свидетельство Н. И. Костомарова, как уже говорилось выше, относится к легендарным, но оказавшим существенное влияние на следующие поколения исследователей. В данном контексте представляется интересной книга, изданная в 1856 г., – «Описание погребения императора Николая I с присовокуплением исторического очерка погребений царей и императоров всероссийских и других европейских государей».¹⁰⁹ В этом труде, вполне соотносящемся с имеющимися историческими свидетельствами, говорится о том, что «смертные останки российских царей и царевичей, а равно цариц и царевен, были переносимы в самый день их кончины, или на другой день, из Московского Кремлевского Дворца: царей и царевичей – в Архангельский Собор, а цариц и царевен – в Вознесенский монастырь».¹¹⁰

Такая традиция строго соблюдалась со времен вступления на престол Дома Романовых (оговоримся, что Романовы унаследовали эту традицию от предшественников) до Петра Великого. После того как тело было установлено в церкви, начиналась панихида. Погребение про-

¹⁰⁷ Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа. С. 269–270.

¹⁰⁸ Котошихин Г. К. О России, в царствование Алексея Михайловича. С. 16–18.

¹⁰⁹ Описание погребения блаженной памяти императора Николая I с присовокуплением исторического очерка погребения царей и императоров всероссийских и некоторых европейских государей. СПб., 1856.

¹¹⁰ Там же. С. 1.

исходило в день выноса, а панихиды продолжались сорок дней, в продолжение которых двенадцать бояр, окольных, думных дьяков и стольников дневали при могиле. Скорее всего, эти дневания, так же как и в предшествующие времена, в представлении иностранцев (о чем говорилось выше) и людей, не вовлеченных в непосредственное действие (случай с Г. Котошихиным), послужили причиной путаницы, давшей пищу для рождения свидетельств о более позднем, чем было в реальности, захоронении тела. Переходя из одного исследования в другое, не подвергаясь анализу и проверке, эта версия дошла до нашего времени. Однако при сопоставлении реальных фактов вопрос о сорокадневном прощании с телом непогребенного царя переходит в разряд преданий, не соответствующих реальному положению вещей.

Мнение о ложности мифа о сорокадневном непогребении тела поддерживает С. Ю. Шокарев, занимавшийся разработкой темы на примере некрополя города Москвы.¹¹¹ Он указывает на то, что детали описания похорон в различных источниках разнятся. Исследователь приводит в качестве примера свидетельство Г. К. Котошихина, неверно сообщавшего, что тело царя не погребалось до тех пор, пока «из городов власти съедутца все к Москве».¹¹² Безусловно, дьяк Котошихин, как человек явно не входивший в число особо приближенных к особе государя лиц, не мог быть досконально осведомленным о специфике траурного церемониала московских правителей. Следовательно, его свидетельство не может быть использовано как документ неоспоримой достоверности. Однако, как это часто бывает, однажды сказанное слово, переписанное многими авторами, в том числе и авторитетными специалистами, вошло в научный обиход без дополнительной проверки и осмысления. В результате постоянных повторений и компиляций родилась легенда, живущая до сего дня. Автор данной работы делает попытку развенчать несостоятельность легендарной версии и установить истину.

О смерти царя и восшествии на престол его преемника в XVII в. народу сообщали грамотами, одновременно они являлись требованием о скорейшем приведении подданных разных сословий к присяге. Так, 30 января 1676 г. грамоты «О кончине государя царя и великого князя Алексея Михайловича и о восшествии на престол сына его государя царя и великого князя Федора Алексеевича»¹¹³ были посланы стольнику во Владимир, воеводе князю Хованскому, на Дон казацким атаманам и в другие города страны. 3 мая 1782 г. грамоты «О кончине царя Федора Алексеевича и о вступлении на всероссийский престол царя Петра Алексеевича и об учинении ему в верности присяги от всего войска»¹¹⁴ отправлены донским атаманам и казакам.

По поводу смерти и похорон представителей правящей семьи обязательно выпускался документ, сообщавший подробности дела. Некоторые из этих документов опубликованы Н. И. Новиковым в «Древней российской вивлиофике, или Собрании древностей российских». Например, церемониал похорон первого наследника царя Алексея Михайловича царевича Алексея Алексеевича, скончавшегося в возрасте 16 лет в «семь часов и две четверти» утра 17 января 1670 г.¹¹⁵ Хоронили его на следующий день после смерти 18 января в четвертом часу дня в Архангельском соборе Московского Кремля. Комнатные стольники вынесли из хором тело царевича, покрытое серебряной обьярью. У переградных дверей были установлены сани, обитые червчатый бархатом. Гроб с телом был поставлен на эти сани под тем же покрывалом. Сверх прежнего покрывала тело и гроб были покрыты золотым аксамитом. От переградных дверей через постельное и красное крыльцо тело в соборную церковь Архангела Михаила стольники несли по очереди, из хором до церкви с иконами шли с пением надгробного.

---

¹¹¹ Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь.

¹¹² Котошихин Г. К. О России, в царствование Алексея Михайловича. С. 16.

¹¹³ ПСЗ. Собрание первое. Т. 2 (1676–1688). № 619. С. 1–7.

¹¹⁴ ПСЗ. Собрание первое. Т. 2 (1676–1688). № 977. С. 392–394.

¹¹⁵ Церемониал во время преставления Блаженной памяти благоверного Государя, царевича и Великого князя Алексея Алексеевича, всяя Великой и малой и белой России, 1670 г. // Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. СПб., 1774. С. 23–67.

В процессиях на государственных выходах, к которым относятся и похороны первых лиц, особое значение приобретает порядок следования участников. В России XVII в. все значимые события сопровождалось духовенством, похороны представителей царской семьи проходили с неизменным и важнейшим участием священнослужителей, построение в процессии осуществлялось по старшинству от менее важных персон к более важным. Группа духовных лиц предвзяла несение тела, в данном случае сначала шли священники, дьяконы, певчие, дьяки государевы и патриаршие, следом митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, начиная с нижнего чина по возрастанию. За телом усопшего следовала группа, представлявшая семью, в данной процессии ее возглавлял отец царевича царь Алексей Михайлович, за ним следовали царевичи: Грузинский Николай Давыдович, Касимовский Василий Арасланович с сыном Федором Васильевичем, Сибирские Петр и Алексей Алексеевичи, за которыми строились бояре, окольные, думные и ближние люди, стольники, стряпчие, дворяне, дьяки, жильцы – все в черном платье. Процессия четко разбивалась на две главные группы: духовных и светских лиц, они разделялись главным героем события – усопшим в гробе.

Если духовные лица следовали в порядке возрастания чина, то гражданские, наоборот, шли по убыванию степени важности – от царя Алексея Михайловича, не просто отца, но и первого лица в государстве, по нисходящей линии. «Черни», т. е. простого народа, в процессии не было. Около церкви Архангела Михаила у церковных дверей тело царевича Алексея Алексеевича было принято из саней, внесено в церковь и установлено на подготовленном месте комнатными стольниками. Потом была отслужена литургия митрополитами, архиепископами, епископами, архимандритами, игуменами со всем преосвященным собором. Обычно в подобных службах принимал участие второй по значимости человек в государстве и первое лицо в духовной сфере – патриарх. Но в данном случае Святейший Иосиф, патриарх Московский и всея Руси, на выносе тела не был и литургию не служил по объективной причине – своей немощи.

По совершении литургии всем собором служили надгробное пение, после чего присутствующие светские люди: бояре, окольные, думные и ближние люди, стольники, стряпчие, дворяне московские, полковники, головы и приказные – просили у царевича прощение и с плачем и воплями целовали его руку; когда прощание закончилось, тело царевича положили в церкви Михаила Архангела в правой стороне, слева от гроба его деда царя Михаила Федоровича. Просить у покойного прощение за все явные и нечаянные обиды, ему нанесенные, было обычным явлением в русской традиции, так же как и сопровождающие покойника плачи и вопли.

После похорон продолжилось традиционное сорокадневное дневание по приказу царя. Вместе с боярами, окольными и думными людьми в церкви днем и ночью по очереди несли дежурство стольники. Участие в дневании являлось, с одной стороны, почетной, с другой стороны, достаточно обременительной обязанностью. Список дежуривших был важным показателем степени приближенности к правящему монарху. На 40-й день Алексей Михайлович в церкви слушал литургии и панихиды и приказал дневания прекратить.

В Архангельском соборе гроб с телом устанавливали в центре, но не в алтаре; после отпевания закладывали «в землю» и закрывали «цкою» (плитой). После отпевания патриарх ел сам и кормил царицу и ее окружение ритуальной едой – кутьей, после чего расходились восвояси.

Царские похороны сопровождалось амнистиями¹¹⁶ и богатыми раздачами милостыни, согласно Г. К. Котошихину.¹¹⁷ Освобождение из мест заключения воров и убийц приводило к обострению криминальной обстановки в столице во время царских похорон, ибо освобож-

---

¹¹⁶ См., напр.: Об освобождении от наказания задержанным людям по причине драки или пьянства до окончания сорокадневного поминовения царя Алексея Михайловича и о взыскании с них приводных денег вдвое // ПСЗ. Собрание первое. Т. 2 (1676–1688). № 623. С. 6.

¹¹⁷ Котошихин Г. К. О России, в царствование Алексея Михайловича. С. 17–18.

денные из городских тюрем преступники возвращались к своим привычным делам – начинали грабить и убивать мирных жителей без разбору.

Ритуальная еда

Особым элементом обряда был поминальный стол. На третий день после смерти члена семьи в Москве устраивался царской семьей поминальный обед, на который приглашали представителей как светской, так и духовной власти. На стол подавалась кутья – обрядовое поминальное блюдо, особая зерновая каша. На Руси кутья впервые упомянута в «Повести временных лет» за 997 г. Готовили ее из недробленной пшеницы, риса, овса или ячменя и сладкой добавки: меда, сахара, изюма, варенья, цукатов, сухофруктов. Зерно в кутье, используемой до настоящего времени, символизирует вечную жизнь и изобилие, а сладость – символ райского блаженства. В качестве напитка варили сыту – один из повседневных напитков Древней Руси и Московского государства допетровской эпохи. Готовили ее путем разведения водой натурального пчелиного меда, а также из патоки, получаемой упариванием солодового сусла (проращивали ячмень, сушили его, размалывали, заваривали горячей водой и сливали сусло). Эти блюда ели три недели.

40-й день после смерти, называемый сорочинами, отмечался поминальными службами с участием членов семьи, ритуальным обедом и раздачей милостыни, так что на царские похороны уходил годовой бюджет страны. Похороны царицы были не менее пышными, но народу съезжалось на них меньше, денег отпускалось в половину против царских похорон. На похороны царевичей и царевен денег тратилось еще меньше.¹¹⁸

Особой статьей расходов, связанной с поминальными мероприятиями, для представителей, а особенно для представительниц правящего дома было ритуальное кормление нищих. Придя к власти, царь Петр Алексеевич приводил в порядок расходы дворца и выяснил, что царица Марфа Матвеевна на поминавание покойного мужа царя Федора Алексеевича «кормила в 5 дней 300 нищих»,¹¹⁹ столько же кормила царица Прасковья Федоровна в поминавание по своему мужу царю Ивану Алексеевичу. Не отставала тетка покойных царей царевна Татьяна Михайловна, кормившая в 9 дней 200 человек, и сестры покойных – царевна Евдокия Алексеевна и прочие, даже царевна Наталья Алексеевна. Всего в дни поминовений кормилось «у пяти комнат» 1371 человек на сумму в год 143 руб., 26 алтын, 3 денги. Петр I положил конец этой практике, наложив резолюцию на этой статье дворцового расхода: «...си денги раздать нищим по улицам, а в Верхах (т. е. во дворец. – М. Л.) их (нищих) не брать».¹²⁰

---

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII веках. М., 1869. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII веках. С. 178.

¹²⁰ Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.